

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема идентичности информатизированного человека с точки зрения интертекстуализма

The Problem of Identity of an Informatized Person by the Viewpoint of Intertextualism

Получено 10.09.2019

Одобрено 17.11.2019

Опубликовано 09.11.2019

УДК: 141.78

DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10087

ПЫЛЬКИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат философских наук, доцент Кафедры общественных наук ГИ СПбПУ Петра Великого
Email: apylkin@yandex.ru

PYLKIN, ALEXANDER ALEXANDROVICH

PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social Sciences, St. Peter the Great University
Email: apylkin@yandex.ru

СОКОЛОВА НИНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат философских наук, доцент Кафедры общественных наук ГИ СПбПУ Петра Великого
Email: alonsa@inbox.ru

SOKOLOVA, NINA ALEKSANDROVNA

PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social Sciences, St. Peter the Great University
Email: alonsa@inbox.ru

Аннотация

Объект исследования. Идентичность информатизированного человека.

Предмет исследования. Коммуникативная идентичность в коммуникативной среде, развёртывающейся на принципах интертекстуальности.

Цель. Показать невозможность коммуникативной идентичности в условиях тотальной информатизации общественного бытия согласно принципам интертекстуальности.

Основные положения статьи. Стремительное развитие и распространение информационных технологий привело к кардинальным изменениям общественного бытия человека. Идентичность человека как существа, вступающего во взаимодействие с себе подобными, оказалась под вопросом. В качестве наиболее выдающихся параметров информатизированного общества выступают гиперинформированность, атомизация и редуцированный характер взаимодействия. В связи с этим, идентичность информатизированного человека рассматривается с точки зрения постструктуралистской концепции интертекстуальности. Последняя выступает своего рода идеологией информатизированного общества. В XX в. сознание, со времён Декарта выступавшее основным идентификатором западноевропейского индивида, становится языковым сознанием. Семиотика показала, что субъект это лишь фиксированное место в системе языка. В 60-е годы XX в. постструктуралисты снимают эту фиксацию. Они демонстрируют, что на самом деле язык – не закрытая, а открытая система: постоянно пишущийся текст. С точки зрения постструктуралистской концепции интертекстуальности человек лишь подвижный фрагмент непрерывно воспроизводящегося гипертекста. Причём текст, являясь овеянным в системах телекоммуникаций средой общения, маркирует отчуждение индивида и имеет явно фетишистский характер. Встреча языкового сознания с языковым фактом на самом деле обнаруживает диалогическую природу смысла. Смысл любого текстового объекта определяется как функция взаимодействия с прошлыми, настоящими и будущими текстовыми смысловыми блоками, представителем которых является взаимодействующее с этим объектом сознание. Акт коммуникации втягивает субъекта в процесс диалогического становления, в котором смысловое единство оказывается рассеянным. В таких условиях общение как основа коммуникации и идентичности оказывается проблематичным. Даже в творческом акте, направленном на оформление сообщения, не удаётся преодолеть выразительный зазор между отчуждённым, атомизированным индивидом и автономной информационной средой. Коммуникация в информационном обществе сведётся к бессодержательному сообщению «смотрите – я существую», которое остаётся без ответа.

Abstract

The Object of the Study. Identity of an informatized person

The Subject of the Study. Communicative identity in communicative environment based on principles of intertextuality.

The Purpose of the Study is demonstrating the impossibility of communicative identity in the situation of totally informatized public being in accordance with the principles of intertextuality.

The Main Provisions of the Article. Swift evolution and dissemination of the information technology have led to radical changes in human's public being. The identity of a human being as a being who communicates with one's own kind become questionable. Philosophical basis of information society can be found in the poststructuralism. Hiperawareness, fragmentation and reduced interaction can be pointed out as the most important parameters of informatized society. In that regard, an identity of informatized human being is considered from the point of view of the poststructuralistic conception of intertextuality. The last one serves as a kind of ideology of informatized society. The consciousness that since Rene Descartes had been the main identifier of a West European individual, became in the 20th century the linguistic consciousness. Semiotics has shown the subject is merely a fixed place in the system of language. In the sixties poststructuralists deleted that fixation. They demonstrated that a language is an open system, not a closed one. From the viewpoint of the poststructuralistic conception of intertextuality a human being is a merely mobile fragment of a constantly reproducing hypertext. While a text that represents itself in the system of telecommunications as objectified communicative environment marks individual's alienation and clearly has fetish nature. The encounter of linguistic consciousness with a linguistic fact actually reveals the dialogic nature of meaning. The meaning of any textual object is defined as a function of interaction with the past, present and future text semantic blocks, the representative of which is consciousness interacting with this object. Communication act draws the subject into the process of dialogical formation, in which the semantic unity is dispersed. Under these conditions a message as the basis of communication and identity has become problematic. Even a creative act of forming a message is unable to overcome the gap between alienated atomized individual and autonomous information environment. Communication in information society tends to become barren message: «Look! I do exist!» with not an answer come back.

Ключевые слова: информатизированный человек; идентичность; интертекстуальность; коммуникативная среда; фетишизм; идеология; сообщение.

Keywords: an informatized human being; information society; identity; intertextuality; a communicative sphere; fetishism; ideology; a message.

Введение

Человек существо общественное, и как таковой идентифицирует себя в общении с себе подобными. Начало тематизации проблемы идентичности положено в первой половине XX в. в трудах психоаналитиков, экзистенциалистов и представителей философской герменевтики в связи с кризисом европейского субъекта. Однако наиболее остро данная проблема встала перед человеком сравнительно недавно, что обусловлено стремительной информатизацией человека, осуществившейся на протяжении второй половины XX–XXI в. в связи с появлением и повсеместным распространением информационных систем и технологий. Так, согласно данным Росстата численность пользователей сети Интернет в России на 2018 год составила 76 % населения старше 15 лет, что на 10 % больше в сравнении с 2013 годом [12]. Следовательно на родной почве вполне различим данный проблематический горизонт.

С антропологической точки зрения, главная особенность внедрения информационных систем состоит в том, что «технология выносит наружу ту мгновенную обработку информации, которая долгое время происходила внутри нашей нервной системы» [17, с. 401]. Основываясь на принципе синхронизации передачи информации (когда пространственно независимые агенты процесса одновременны во времени), создается глобальная сеть, являющаяся технологическим расширением нервной системы человека. Переход от более ранних технических форм и способов обмена информацией к таким «расширительным» технологиям предполагает установление «обратной связи»: там, где был односторонний информационный поток, или линейная последовательность, появляется «информационная петля, или цепь» [17, с. 408]. В отличие от механических систем, в которых энергия и выполняемая работа напрямую связаны друг с другом, в кибернетических системах источник энергии отделен от процесса – процесса перевода информации [17, с. 402], а значит интенсивность состояния индивида, вступившего в коммуникацию, полностью нивелируется скоростями передачи информации об этом состоянии. Возникает проблема. Не оказываются ли все агенты обмена информацией своего рода нейронными скоплениями, частями общего экстериоризованного мозга коммуницирующего социума, а сама коммуникация – сетью безличных энергетических возмущений в нем?

Начиная со второй половины XX века в работах теоретиков разной научной спецификации (от философов и культурологов до экономистов и кибернетиков) не прекращается – как правило в футурологическом ключе – тематизация социума, основные сферы бытия которого информатизированы. Для такого рода феномена предлагаются различные термины: постиндустриальное общество (Д. Белл), информационное общество (Й. Масуда), электронное общество «глобальной деревни» (М. Маклюэн), общество сетевых структур (М. Кастельс) и др. Однако принятие за исходную точку некой предположенной, субстантивированной социальной реальности, некоего «общества», которое якобы претерпевает техногенные трансформации, заслоняет от исследователей саму природу связей между индивидами, вступающими в общение, т.е. саму природу общества [15, с. 11–42]. Вследствие этого остаются в тени наиболее выдающиеся аспекты бытия информатизированного человека.

На наш взгляд они таковы. Первое, и главное, – изменяется сама природа связей между индивидами: в информатизированном обществе «общение» становится «коммуникацией», обменом информацией в форме сообщения. Причем в условиях тотального распространения информационных технологий не виртуальное взаимодействие всё чаще редуцируется к коммуникативной модели информационного обмена [20, с. 41–97]. Интенсивность сетевой коммуникации маргинализирует «экзистенциальное» взаимодействие, позволяя – в виду относительной медленности последнего – отбросить все константы живого диалога как незначимые (как это, например, проявляется в современной форме его бытования – в ток-шоу). Второе, это стремительно нарастающая атомизация и разрушение любых «неинформативных» культурных связей, что обусловлено всё большей доступностью и простотой интерфейса персональных средств интерактивной коммуникации. И, наконец, третье, это гиперинформированность. Индивид, в условиях тотальной компьютеризации, вступающий во взаимодействие, не только вовлекается в выжигающий все эффекты присутствия [6, с. 110–114] обмен информацией, но его сообщение оказывается частью перенасыщенной значениями, сверхскоростной среды. Намерение коммуницирующего индивида исчезает в потоке избыточных смыслов, не успевая сформировать смысловой контекст собственного

осуществления. Контекстом всегда оказывается бесконечно разрастающийся мультимедийный гипертекст, «декодировать» из которого сообщение коммуниканта не представляется возможным. Таким образом, сообщение, выступающее своего рода единицей идентификации информатизированного индивида, поглощается средствами сообщения. Как справедливо замечают исследователи, теперь «все сообщения всех видов заключены в средстве» [13, с. 351–352].

В свете выше изложенного наиболее адекватно описывающей информатизированное общество неожиданно оказывается постструктуралистская концепция интертекстуальности [14, с. 226–262], в другой интерпретации – текста [1, с. 413–424]. Именно с точки зрения данной концепции удаётся ухватить специфику общества в условиях нарастающей информатизации и зафиксировать наиболее выдающиеся его аспекты: редуцированный характер взаимодействия, атомизацию и гиперинформированность. Вкупе эти факторы делают взаимодействие с Другим – и следовательно обретение индивидом идентичности – проблематичным.

Согласно современным исследованиям в данной области, постмодернизм, и прежде всего его философская основа – постструктурализм, является своего рода общественным сознанием, мировоззрением информационного общества [11, с. 108–128]. В качестве узловых проблематических точек постмодернистской идентичности указываются плюрализм и релятивизм. Однако остается без внимания, что в рамках постструктуралистской концепции текста раскрывается невозможность сообщения в перенасыщенной значениями информационной среде. Поскольку сообщение выступает своего рода единицей построения коммуникативной идентичности, под вопросом оказывается сама возможность обретения идентичности информатизированным человеком.

Проблема идентичности с точки зрения концепции интертекстуальности

В XX в. сознание, со времен Декарта выступавшее основным идентификатором западноевропейского индивида, становится языковым сознанием. Основываясь на структурном методе Фердинанда де Соссюра, семиотика убедительно показывает, что субъект это не что иное, как языковой субъект, т.е. в сущности – лишь некое фиксированное место в системе языка. В 60-е годы XX в. постструктуралистские теоретики интертекстуализма снимают эту фиксацию. Они демонстрируют, что на самом деле язык – не закрытая,

а открытая система: постоянно пишущийся текст [1, с. 416–418]. Таким образом, вслед за Ницше постструктурализм провозглашает исчезновение субъекта в переинтерпретации, а именно – в процессе непрерывного самосозидания текста.

Параллельно развивающаяся философская герменевтика, в пике структурализму и постструктуралистской реакции на него, пытается сохранить идентичность индивида – как субъекта речи, не сводимого к мертвым порядкам языковой структуры, пусть даже и открытой. Да, человек есть лишь композиция прошлых и наличных текстов (в философской герменевтике такое положение дел зафиксировано в понятии традиции), но при этом он всегда остается живым центром понимания [4, с. 163–174]. Именно то, что такое понимание является всегда пониманием единого смысла, обеспечивает идентичность понимающего индивида.

Однако в условиях нарастающей тотализации информационного пространства такого рода попытка сохранить идентичность оказывается проблематичной. Теоретики интертекстуализма указывают на то, что смысловое единство, обеспечивающее общность культурного контекста и историческую значимость текстуального объекта, является идеологической проекцией [14, с. 136–138].

Встреча языкового сознания с языковым фактом на самом деле обнаруживает диалогическую природу смысла. Смысл любого текстуального объекта определяется как функция взаимодействия с прошлыми, настоящими и будущими текстовыми смысловыми блоками, представителем которых является взаимодействующее с этим объектом сознание. Акт коммуникации втягивает субъекта в процесс диалогического становления, в котором смысловое единство оказывается рассеяно [14, с. 166–170]. Однако это не диалог между двумя центрами понимания, между «Я» и «Ты»: с рассеянием единого смысла, обеспечивавшего идентичность понимающего индивида, последний оказывается лишь подвижным фрагментом непрерывно разрастающейся текстуальности [1, с. 416]. По сути, диалог, осуществлявшийся между участниками коммуникации, выражающими свои «мысли», становится функцией саморазвертывающегося порядка выражения, эффектом процессов в автономизированной коммуникативной среде.

Фетишистский характер коммуникации информатизированного человека

Для интертекстуалистов сведение человека к такого рода диалогическому становлению явля-

ется освобождением от идеологических проекций герменевтики и прорывом к имперсональной силовой игре мира, якобы осуществляющейся на оборотной стороне языка [10, с. 352-369]. Однако для вступающего в коммуникацию индивида это означает не только фрагментацию и релятивизацию идентичности, но – приводит к проблематичности коммуникации вообще. Для такого децентрированного «безголосого» индивида оказывается заблокированной сама возможность сообщения. И вот почему. Лишь в рамках тотального овеществления, текстуализации смысл проявляет свою амбивалентность и диалогичность, т.е. – релятивизируется и становится продуктивностью [14, с. 266]. И это с необходимостью влечёт за собой фетишизацию языкового сознания – оно становится открытым к производству дополнительного смысла гипертекстом. Такая фетишизация, своего рода «идентификация» с гипертекстом, блокирует возможность сообщения.

Отметим, что когда речь идет о языковой реальности как тексте, о первичности графемы перед фонемой (что неминуемо разрушает «до-текстовую» понимающую идентичность человека), не следует сводить факт текстуализации языковой активности к графической фиксации речи. Как указывает Деррида [9, с. 120–121], само понятие текста следует брать в ускользающе-изначальном смысле: лат. *textus* – ткань; сплетение, сочетание. Т.е. речь идет о непрестанном формировании смысла в процессе сочетания некоторых простейших материальных элементов. Таковыми являются, в том числе и длинные и короткие сигналы в двоичном коде. Поэтому само понятие «текста» так или иначе подразумевает гомогенный мультимедийный гипертекст, включающий в себя не только собственно вербальную графическую информацию, но и аудио-визуальную составляющую общей коммуникативной ткани [13, с. 314–315].

Собственно, фетишистский аспект коммуникации представлен субстратом коммуникативной среды – разветвленной сетью модифицируемой вычислительной техники. В процессе коммуникации человек отчуждается от смысла сообщения, который помимо его воли воспроизводится из взаимодействующих в нём прошлых и настоящих смысловых блоков. Последние же оказываются лишь эффектами непрерывных циркуляций нулей и единиц, коротких и длинных сигналов в мировой «паутине», опредмеченной в удобных электронных гаджетах.

Следует вспомнить, что, как таковая, проблема овеществления людей в процессе их общения поставлена ещё Марксом [16, с. 69–82]. Фетиши-

зация, одушевление техники – в том числе, когда последняя сводится к порядку вычислительной техники, этому субстрату коммуникативной среды – своей оборотной стороной имеет овеществление человека. Отметим, что первостепенное значение в такой фетишизации принадлежит фактору скорости [2, с. 130–131]. Именно скорость передачи информации заставляет электронный гаджет лучиться перверсивной одушевленностью. Аналогично с тем, как количество овеществляемого в товаре труда съедает его созидательную, качественную сторону, так скорость сообщения нивелирует коммуникативное намерение вступающего в общение индивида.

Близкие к световой скорости передачи сообщения интенсифицируют коммуникацию, редуцируя константы живого взаимодействия, такие как запах, тактильность, молчание, суггестия взгляда, к информационному шуму, к помехам. Причем такого рода информационная интенсивность реализуется и в неvirtуальных модусах общения, сводя последние к скоростному обмену сообщениями. Эффекты присутствия полностью устраняются в пользу разгоняемых до световых скоростей эффектов значения, а вещественный аспект взаимодействия [6, 108–114] деградирует к фетишистскому переживанию общения с экраном.

«Текст» постструктуралистов был своего рода философской метафорой, пока наконец не получил фетишистское воплощение в повсеместно распространившихся информационных системах и технологиях. Причем данная метафора обладала критическим потенциалом, который проявлялся в деструкции герменевтических идеологем «единства понимания» и «консенсуса», пока сама она не стала одной из ключевых идеологем «информационного общества».

В итоге, с точки зрения концепции интертекстуальности, всё, на что может рассчитывать человек (если о таковом вообще еще может идти речь), это лишь некий иллюзорный прорыв к стихийной игре мировых сил, которая на деле оказывается интенсивностью скоростных информационных потоков. Любые попытки общения в условиях тотального интертекстуального опосредования обречены стать воспроизводством гипертекста, овеществляющегося в ещё одном текстовом фрагменте на экране персональной машины связи. Смысл этого фрагмента рассеивается в диалоге с другими смыслами, что соответствует динамической открытости и своего рода автономности коммуникативной среды [19].

Говоря словами Маркса, идеологическая, надстроечная структура «интертекстуализма», с одной стороны, и базисный, производственный

уклад «информационных технологий» – с другой, поддерживают социальную реальность «информационного общества». Последнее в свою очередь стимулирует функционирование и развитие «информационных технологий» и воспроизводство идеологии «текста», таким образом закрепляя отчуждение индивида в фетишистском разворачивании его несостоявшейся коммуникации. Или, перефразируя Дебора: информация есть основное производство современного общества, это экономика, развивающаяся ради самой себя.

Производство «нового» как попытка обретения идентичности

Что же на деле выступает в роли заместителя понимающей идентичности индивида? Что позволяет оставаться такому деперсонифицированному фрагменту «участником» коммуникации, то есть – быть находимым и заметным в унифицированном смысловом поле гипертекста?

Единство текстовому фрагменту обеспечивает его концептуальный строй, выделяющий его в общем пространстве текстуальности и гарантирующий его «понимательную» плотность, вызывающую к понятийной дешифровке. Критерием востребованности концептуального смысла оказывается его новизна. Это и обеспечивает деперсонифицированному текстовому фрагменту референцию – к реальности отсылает лишь то, что предоставляет новый дополнительный смысл. Другими словами, лишь творческая инвестиция в такую автономную коммуникативную среду может претендовать на сообщение, еще отсылающее к внетекстовой реальности того, кто это сообщение посылает [19].

Делёз и Гватарри в своей работе «Что такое философия?» выказывают опасения по поводу того, что производство концептов, являющееся по мнению авторов исключительно вотчиной философии, все более и более захватывается не только смежными дисциплинами, но и различными сферами медиа [8, с. 25–48]. По-видимому, можно констатировать, что опасения их были не напрасны, а также, что сбылось, наконец, предсказание, данное Ги Дебором: современный уровень развития информационных технологий сделал возможным воплощение «спектакля», который как известно «философизует реальность», когда «конкретная жизнь каждого вырождается в умоглядный космос» [7, с. 27]. В качестве иллюстративного примера существования индивидов в таком виртуальном потребительском космосе можно указать на широко представленный в современной сетевой реальности феномен онлайн-игр и сетевых сообществ вокруг них, от шу-

теров типа «World of Tanks» до игр стратегического планирования наподобие «Forge of Empires». Погруженный в концептуально сконструированный мир индивид не просто исключен из коммуникации, а всякое его сообщение сведено к функциональному перераспределению конфигурации игрового пространства, – но вообще любая его активность блокирована и не достигает статуса эмпирического взаимодействия с действительностью. Последнее утверждение не ограничивается мирами компьютерных игр – его можно распространить и на миры политические, географические, экономические, культурные и пр.

Можно предположить, что творческая активность, т.е. установка на созидание нового, еще не бывшего, могла бы спасти коммуникацию. В самом деле, требование творческого усилия, необходимого для оформления своего сообщения перед лицом унифицирующей коммуникативной среды, автономно «существующей» на принципах интертекстуальности, выглядело бы логичным и приемлемым условием сохранения коммуникации при современной развитости информационных технологий. Однако, как показывает Б. Гройс в своей статье «О новом», сам принцип новизны в современном «творчестве» уже не связан с созиданием. Наподобие писсуара Дюшана новым, заметным становится то, что удается переправить из сферы повседневности в сакральное пространство «культурного архива» [5, с. 112–245]. Творческой активности не удается преодолеть этот зазор между атомизированным, изолированным индивидом (профанное) и автономным информационным пространством высоких скоростей (сакральное). Такого рода деградация творчества до производства нового разрушает принцип выразительности [18, с. 51–91], тем самым исключая уникальность индивида и сводя сообщение к бессодержательному «смотрите – я существую!».

Ярким примером такого рода деградации творчества до «производства сообщения», которое обладает достаточной «концептуальностью», чтобы преодолеть сопротивление коммуникативного пространства, может служить современный художественный акционизм, в лице таких его видных представителей в России как, например, арт-группа «Война» или Петр Павленский. Для того, чтобы сформировать достаточно скоростной концепт, способный пробить высокоскоростное коммуникативное пространство глобальной сети и стать сообщением (а не просто воспроизводством отработанных, перекомбинируемых смыслов как это происходит в социальных сетях и медиа) акционист вынужден идти на радикальный жест и предельную интенсификацию сво-

ей экзистенции. Так, чтобы просто сообщить о своей индифферентности к политической жизни акционист Павленский прибегает к акции «Фиксация», а чтобы его, именно его сообщение о судьбе состоялось – требуется акция «Туша» [3].

Заключение

Итак, в коммуникативном пространстве, утверждающимся с развитием и повсеместным распространением информационных технологий, только «художник» и «философ» в постмодернистском их бытовании – т. е. специалист по производству нового – может рассчитывать на некое квази-сообщение. Любое другое коммуникативное намерение обречено исчезнуть в пото-

ке избыточных смыслов: не успев сформировать смысловой контекст собственного осуществления, оно достигнет реципиента как вновь воспроизведенный в одном из своих бесчисленных фрагментов «текст». Однако, квази-сообщение «художника» тоже не достигнет Другого и поэтому не будет участвовать в формировании идентичности своего актора, являясь лишь пустой, бессодержательной манифестацией его не виртуального существования. Тем более подобное сообщение исключает обратный ответ реципиента, что, в сущности, означает невозможность коммуникации в условиях тотальной информатизации общества, «осознающего» себя как саморазвертывающийся гипертекст.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. 616 с.
2. Вирильо П. Машина зрения. СПб., 2004. 140 с.
3. Все 6 самых известных акций художника Петра Павленского / Мир путешествий: электронный журнал, 2016. Режим доступа к рес. URL: <http://mirputeshstvij.ru/interesno/vse-6-samyh-izvestnyh-akcii-hudojnika-petra-pavlenskogo/> (Дата обращения: 06.08.2019).
4. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1988. 704 с.
5. Гройс Б. О новом // Утопия и обмен. М., 1993. 374 с.
6. Гумбрехт Х.У. Производство присутствия: чего не может передать значение. М., 2006. 184 с.
7. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. 184 с.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., СПб., 1998. 288 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. 511 с.
10. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. 432 с.
11. Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. Монография. М., 2018. 360 с.
12. Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей (обновлено 29.03.2019) / Федеральная служба государственной статистики, 2018. Режим доступа к рес. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (Дата обращения: 06.08.2019).
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
14. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М., 2004. 656 с.
15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. 384 с.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения в 9-ти т. Т. 7. М., 1987. 811 с.
17. Маклюен Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003. 464 с.
18. Пылькин А.А. Экология смысла. Монография. СПб., 2008. 156 с.
19. Пылькин А.А. Критика актуальных концепций языкового сознания // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 4(136)2011. СПб., 2011. С. 243-249.
20. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004. 544 с.

References

1. Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu // Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M., 1989. 616 s.
2. Viril'o P. Mashina zreniya. SPb., 2004. 140 s.
3. Vse 6 samykh izvestnykh akcij hudozhnika Petra Pavlenskogo / Mir puteshstvij: elektronnyj zhurnal, 2016. Rezhim dostupa k res. URL: <http://mirputeshstvij.ru/interesno/vse-6-samyh-izvestnyh-akcii-hudojnika-petra-pavlenskogo/> (Data obrashcheniya: 06.08.2019).
4. Gadamer H.G. Istina i metod. M., 1988. 704 s.
5. Grojs B. O novom // Utopiya i obmen. M., 1993. 374 s.
6. Gumbrekht H.U. Proizvodstvo prisutstiya: chego ne mozhet peredat' znachenie. M., 2006. 184 s.
7. Debora G. Obshchestvo spektaklya. M., 2000. 184 s.
8. Delyoz ZH., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? M., SPb., 1998. 288 s.
9. Derrida ZH. O grammatologii. M., 2000. 511 s.
10. Derrida ZH. Pis'mo i razlichie. SPb., 2000. 432 s.
11. Emelin V.A. Identichnost' v informacionnom obshchestve. Monografiya. M., 2018. 360 s.
12. Itogi federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya po voprosam ispol'zovaniya naseleniem informacionnykh tekhnologij i informacionno-telekommunikacionnykh setej (obnovleno 29.03.2019) / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki, 2018. Rezhim dostupa k res. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/fed_nabl-croc/index.html (Data obrashcheniya: 06.08.2019).
13. Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M., 2000. 608s.
14. Kristeva YU. Izbrannye trudy: Razrushenie poetiki. M., 2004. 656 s.
15. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. M., 2014. 384s.
16. Marks K., Engel's F. Izbrannye sochineniya v 9-ti t. T. 7. M., 1987. 811 s.
17. Maklyuen G.M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. M., 2003. 464 s.
18. Pyl'kin A.A. Ekologiya smysla. Monografiya. SPb., 2008. 156 s.
19. Pyl'kin A.A. Kritika aktual'nykh koncepcij yazykovogo soznaniya // Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 4(136)2011. SPb., 2011. S.243-249.
20. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. Spb., 2004. 544 s.